

Л. М. Савина

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЕ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ
КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА
В «ДВУЧАСТНЫХ РАССКАЗАХ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА**

Представлены результаты исследования особенностей индивидуально-авторского употребления глаголов и существительных в «Двучастных рассказах» А.И. Солженицына, внимание уделяется авторским образованиям, рассматривается их функционирование в качестве средства создания художественного образа.

This paper offers the results of the study on the word-building capacities and lexical potential of verbs and nouns in the tales in two parts by A.I. Solzhenitsyn. Special attention is focused on the occasional word construction patterns, which are used by the writer as a means to create a literary image.

Ключевые слова: семантика, стилистические функции, индивидуально-авторское употребление, художественная проза, текст.

Key words: semantics, stylistic functions, author's word usage, fiction, text.

Современный подход к художественному тексту как феномену индивидуального творчества делает актуальным изучение приемов создания и использования языковых единиц, обусловленных интенцией писателя [6, с. 38–39]. Особенности авторского словоупотребления и словообразования, по мнению ученых, отражают самобытное восприятие мира личностью и могут рассматриваться как источники обогащения общенационального языка, в которых проявляются и развиваются семантические, словообразовательные и грамматические возможности языковой системы, открывается ее потенциал [1–3].

С этой точки зрения представляет интерес изучение произведений выдающегося русского писателя А.И. Солженицына. Особенности словоупотребления прозаика лингвисты рассматривают в связи с его идеей языкового (словарного) расширения [4; 5], заключающейся в широком использовании богатейшего потенциала языка, возвращении в речь того, «что еще может, имеет право жить», уместном словотворчестве как «бережном подборе богатства, рассыпанного совсем рядом, совсем под ногами» [9, с. 5; 7, с. 11].

Эстетические принципы А.И. Солженицына, подчиненные его лингвистическим воззрениям, нашли отражение в произведениях 1990-х годов. Источником для отбора материала в данном исследовании послужили «Двучастные рассказы» [9], в которых представлено художественное осмысление важнейших для истории России XX века событий, связанных с революцией и гражданской войной («Эго»), коллективизацией и периодом утверждения новой идеологии («Абрикосовое варенье», «Настенька», «Молодняк»), эпохой «великого сталинского Разгона», годами Великой Отечественной войны и послевоенными десятилетиями («Желябугские выселки», «На краях», «Все равно»), экономическими реформами 1990-х годов («На изломах»).

Анализ массива фактов свидетельствует о внимании автора к семантико-стилистическому потенциалу глаголов и существительных. В рассказах широко используется глагольная и именная лексика, зафиксированная в современных словарях с пометами, указывающими на принадлежность этих единиц к различным пластам: областная (*уряжать, ездун*), просторечная (*обвыкся, попрет*), разговорная (*угнездиться, умучиться, растащиловка, дележка*), высокая (*служитель, одоление*), устаревшая (*сведать, вещун*). Обращает на себя внимание активизация ресурсов, отраженных в словаре В.И. Даля (*настрять, горбылять, изнемога, пребывалище* и др.).

Выявляются глаголы и существительные, созданные писателем преимущественно по моделям, продуктивным для художественной, окказиональной, разговорной речи и просторечия [6, с. 375, 391]. Для образования глаголов автор использует префиксальный, префиксально-суффиксальный, префиксально-постфиксальный способы, отмечается полипрефиксация, сложение, сложение с суффиксацией. Такая лексика обозначает перемещение в пространстве, физическое воздействие на объект, речевую, интеллектуальную и социальную деятельность, качественное, эмоциональное и физиологическое состояние, социальные отношения, владение: «...домозговали до лазерного гироскопа» [9, с. 581]; «...боялся, что взьерихорится, бешеный» [9, с. 575]; «...житье наше худое по-прикончится» [9, с. 571]; «Напряглась... доулышат» [9, с. 626]; «Теперь один и другой разногласили: нет, не так искать накоплений; нет, не так расходовать» [9, с. 600]; «Они и дворовродничали, просили подаяние» [9, с. 556]. Существительные писатель образует суффиксальным, префиксально-суффиксальным способами, сложением с суффиксацией, сложением с нулевой суффиксацией. Образованные писателем имена обозначают лицо, место действия, виды социальной деятельности и взаимодействия, эмоциональное и физиологическое состояние, существование, перемещение в

пространстве: «Но не в костюме, как естественно бы возглавителю банка, а в небрежно-просторном оливковом свитере...» [9, с. 590]; «Я – невольник в предельных обстоятельствах, и настряла мне такая прожитьба до последней обиды» [9, с. 559]; «...но потом дотомили меня тесным заточительством и мором, вижу – не отнетаться...» [9, с. 557]. Создание глаголов и существительных по продуктивным моделям свидетельствует о специальной задаче А.И. Солженицына. Он обращается к корням родного языка, его потенциалу, чтобы сделать повествование более простым в социальном плане, добиться художественной достоверности. В связи с этим многие авторские образования воспринимаются не как сотворенные с определенной целью, а как заимствованные из речи простого человека, живого языка эпохи.

Изучение способов индивидуально-авторского употребления глаголов и существительных в «Двучастных рассказах» А.И. Солженицына позволяет говорить о том, что данные единицы являются средством создания метафоры, выступают в роли ключевых слов, формируют стилистический прием антитезы, способствуя воплощению художественного образа, реализации идейного замысла произведений.

Использование индивидуально-авторского образования в основе метафоры позволяет писателю нарисовать картину естественной жизни города: «Москва!.. Не могло быть города прекрасней Москвы, сложившейся не холодным планом архитектора, а струением живой жизни многих тысяч и за несколько веков» [9, с. 546], изобразить народное восстание: «Однако и терпез их уже перешел через край, взбуривало народ» [9, с. 493]. Семантика процессуальности существительного *струение*, образованного от глагола поступательного движения *струиться*, т.е. «распространяться струей, узким потоком» (МАС), позволяет передать непрерывное вековое течение жизни столицы и многих поколений людей, ее населяющих. Глагол *взбуривать* не зафиксирован в современных лексикографических источниках. В словаре В.И. Даля приведены слова *бурить* и *буровить* (Сл. Даля) в значении «буравить, сверлить землю или камень буром», в их семантике отражена направленность движения вниз, вглубь какого-либо грунта. Приставка *вз-* в сочетании с суффиксом *-ива-* не только передает регулярность, повторяемость действия, но и его устремленность вверх. Так, с помощью глагола *взбуривать* в безличной конструкции создается представление о зарождении в самой глубине народных масс стихии восстания, которая прорывается наверх.

Созданные писателем существительные выступают в роли ключевых слов в повествовании и становятся естественным и необходимым средством создания образа персонажа. Так, например, с помощью авторских образований изображаются люди, ничем не гнушающиеся для достижения своей цели: «Как в их городе переслоились скрытые силы с тяжелой валютой, и выскочки-грязнохваты, и прямые бандиты, – и как, и вообще ли можно когда в будущем все это искоренить?» [9, с. 597]; «По делам уже и таких грязнохватов коснулся – озноб от них» [9, с. 594]; неосновательные политики, чьи слова не заслуживают внимания: «И вдруг вот – скинули пустошлепа! теперь не нашлось Жукова, чтобы его еще раз выручать» [9, с. 529], «Сейчас вот главного озорного пустошлета и самого скинули – по шапке и по шее» [9, с. 516], простой человек, судьба которого только «колесико и винтик» политической и экономической жизни послереволюционной страны: «Сперва я не выдавал им свое размышление, задержанец и задержанец...»; «Кто не успел сберечь свою тарелку – иной перестает есть, а обтрепанцам только этого и надо, все доедают»; «Комиссар громким голосом грохотал свое раздражение и внушал нам о происходящих условиях, и потому отныне никаким уклонщикам пощады не будет, вплоть до суда и расстрела» [9, с. 557–558]. Рассматриваемые единицы в рамках контекста позволяют А.И. Солженицыну в соответствии с художественным замыслом охарактеризовать типичные признаки или подчеркнуть индивидуальные качества субъекта.

Существительные и глаголы употребляются в составе антитезы, отражающей ключевое для понимания идейно-художественного замысла произведений противопоставление «человек – власть», способствующей созданию представления о трагедии революции, гражданской войны и коллективизации: «Да повстанцы и сами, кто горазд, выписывали чернильными карандашами на случайных листках бумаги: “...Мы пришли крикнуть вам, что власть обидчиков и грабителей быть не должна!” <...> Коммунисты отвечали большим тиражом типографских листовок со своей обычной классово-долдонщиной или сатирическими картинками: Антонов в кровавой шапке с кровавым ножом, а на груди в виде орденов – Врангель и Керенский. “Мы, Антонов Первый, Поджигатель и Разрушитель Тамбовский, Самодержец Всеворовской и Всебандитский...”» [9, с. 498].

В данном фрагменте имена на *-ец* (*повстанец*, *самодержец*), мотивированные нейтральными глаголами бытия-существования в определенном пространстве (*вставать*, *держат*), противопоставлены моделям на *-чик*, *-тель*, образованным от глаголов эмоционального состояния субъекта (*обидеть*) и физического воздействия на объект (*грабить*) с отрицательным оценочным значением. Крестьяне, именуемые автором *повстанцами*, характеризуют представителей власти как *обидчиков* и *грабителей*. Употребленные в основных значениях данные существительные указывают на несправедливое, по мнению восставших, отношение советской власти к деревне. В свою очередь в официальных листовках мятежники обозначены как враги советской власти

(разрушители и поджигатели). Образованные от глаголов разрушения и уничтожения (*разрушить, поджигать*) с отрицательным оценочным значением, данные единицы характеризуют образы крестьян-повстанцев не как борцов за справедливость, а как пособников бандитов, что и определяет безжалостное отношение власти к ним. Ощущение обиды простых людей подчеркивается в пределах этого же контекста глаголами перемещения и речи *пришли крикнуть*. В семантике данных слов отражена способность субъекта к интенсивным физическим действиям с целью выражения недоверия к новой власти. Реакция представителей власти на действия повстанцев раскрывается с помощью существительного *долдонщина*. Семантика данного образования и его отрицательный оценочный характер связаны с лексическим значением просторечного глагола *долдонить*, т.е. «прямо твердить одно то же, долбить» (МАС), «пустословить, пустобаять, говорить лишнее, пустое» (Сл. Даля). Употребление слова *долдонщина* в сочетании с прилагательным *классовая* указывает на уверенность властей в собственной правоте и неправомерность требований участников восстания. Использование существительных с отрицательным оценочным значением для именованья и представителей власти, и ее противников, характеристики явлений способствует созданию образа трагической эпохи гражданской войны, в которой враждующие стороны непримиримы и глухи друг к другу.

В тексте «Двучастных рассказов» А.И. Солженицын использует глаголы и существительные, созданные по продуктивным для художественной, разговорной, окказиональной речи и просторечия моделям. Индивидуально-авторские образования формируют различные стилистические приемы, являются средством создания художественного образа. Изучение особенностей словоупотребления и словотворчества А.И. Солженицына позволяет говорить о мастерстве художника в использовании лексико-семантического резерва общенационального языка, пополнении и расширении его состава.

Список литературы

1. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М., 1980.
2. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М., 1991.
3. Григорьев В. П. К эстетике неологизма // Русский язык: Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. Виноградовские чтения XIV – XV. М., 1987.
4. Гурьянова Л. Б. Лексикографическая практика А.И. Солженицына и ее отражение в прозе писателя // А.И. Солженицын и русская культура. Саратов, 1999.
5. Дмитриева О. И. В поисках живого слова: Об употреблении префиксальных глаголов у А.И. Солженицына // Там же.
6. Леденева В. В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки. 2001. №5.
7. Русская грамматика: в 2 т. М., 1980. Т. 1.
8. Солженицын А. И. Не обычай дегтем щи белить, на то сметана // Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль, 1996.
9. Солженицын А. И. Нобелевская лекция; Рассказы: 1959–1966; Крохотки: 1959–1969; Раковый корпус: повесть; Двучастные рассказы: 1993–1998; Крохотки: 1996–1999. М., 2004.
10. Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения. М., 2000.

Список словарей

МАС – *Словарь русского языка* / АН СССР, Ин-т русского языка. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1–4.
Сл. Даля – *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т. М., 1999.

Об авторе

Л. М. Савина – асп., Волгоградский государственный университет, larisa-savina1@yandex.ru

Author

L. M. Savina, PhD student, Volgograd State University, larisa-savina1@yandex.ru